
2007051351

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

о расколѣ среди терскихъ (гребенскихъ) казаковъ въ XVIII столѣтіи.

Полагая, что знакомство съ историческими данными о состояніи раскола среди Терскихъ казаковъ полезно какъ для православнаго духовенства Терскихъ станицъ, такъ и для старообрядцевъ, живущихъ нынѣ въ этихъ станицахъ и уклоняющихся отъ единенія съ православною церковію, мы сочли за нужное обнародовать нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи раскола среди гребенскихъ казаковъ въ XVIII столѣтіи, заимствованныя нами изъ дѣлъ Астраханской духовной Консисторіи, переданныхъ въ Кавказскую вскорѣ по учрежденіи въ Ставрополѣ самостоятельной архіерейской каѳедры. Въ дѣлахъ этихъ хотя имѣется не много данныхъ о состояніи раскола въ Терскихъ казачьихъ станицахъ въ означенное время, но знакомство съ этими данными важно въ томъ отношеніи, что освѣщаетъ первоначальную исторію раскола на Кавказѣ совершенно новымъ свѣтомъ: находящіяся въ имѣющихся у насъ подъ руками дѣлахъ письменные документы свидѣтельствуютъ о томъ, что среди предковъ нынѣшнихъ Терскихъ казаковъ—раскольниковъ раскола въ собственномъ смыслѣ не было, а они только держались крѣпко двуперстнаго крестнаго знаменія, не выходя изъ подчиненія православной церкви и ея пастырямъ, что и мѣстныя духовныя власти хотя убѣждали ихъ держаться обрядовъ, принятыхъ всею православною церковію, но, принимая во вниманіе покорность казаковъ православной церкви и ея пастырямъ во всемъ остальномъ, въ виду непре-

клонцаго намѣренія казаковъ остаться при соблюденіи двуперстнаго крестнаго знаменія, рѣшились не принуждать ихъ къ перемѣнѣ укоренившихся у нихъ обрядовъ.

По свидѣтельству Преосвященнаго Макарія, автора Исторіи русскаго раскола, начало раскола на Кавказѣ положено еще въ 1688 г. инокомъ Досиееемъ, а среди Терскихъ или иначе Гребенскихъ казаковъ начало раскола восходитъ къ 1698 году, когда значительное число раскольниковъ, преслѣдуемыхъ гражданскою властію, поселились за р. Терекомъ въ гребняхъ, т. е въ горахъ и ущельяхъ большой и малой Кабарды. Насколько сильно распространенъ былъ между этими піонерами сѣвернаго Кавказа расколъ въ первое время ихъ жительства въ горахъ, къ какой именно изъ раскольническихъ сектъ они принадлежали и всѣ ли они состояли въ расколѣ или между ними были и вѣрные сыны православной церкви, объ этомъ въ имѣющихся у насъ подъ руками дѣлахъ нѣтъ ни какихъ свѣдѣній. Заключающіяся въ этихъ дѣлахъ данныя относятся уже къ тому времени, кога означенные казаки переселились изъ горъ и ущелій Кабарды на лѣвую сторону р. Терека и обжились въ устроенныхъ здѣсь городкахъ или станицахъ: Старогладковской, Новогладковской, Червленской, Каргалинской и другихъ. Изъ дѣлъ этихъ (1738—1745 г.г.) видно, что въ каждой изъ станицъ или городковъ гребенскаго войска были устроены молитвенные домы, гдѣ Богослуженіе совершалось священниками, поставленными Астраханскимъ Епископомъ по просьбѣ самихъ казаковъ и находившимися въ ближайшемъ подчиненіи Кизлярскому благочинному, называвшемуся по тогдашнему закащикомъ. Этотъ фактъ неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что Гребенскіе казаки, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVIII столѣтія, не были раскольниками въ собственномъ смыслѣ. Можно предполагать только, что они подчинялись православному Епископу вслѣдствіе тѣхъ строгихъ мѣръ, какія употреблялись противъ раскольниковъ въ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтія; но и это предположеніе не имѣетъ достаточной силы въ виду того, что казаки Гребенскіе жили на самомъ краю Россіи и могли не бояться преслѣдованій, потому что сами составляли не малую силу. Такъ какъ священники для новоустроенныхъ

городковъ Гребенскаго войска были посвящены, за недостаткомъ способныхъ лицъ, изъ числа казаковъ этихъ самыхъ городковъ, то они не стѣсняли своихъ прихожанъ касательно совершенія крестнаго знаменія и даже сами, при совершеніи крещенія, браковъ и въ другихъ случаяхъ, ходили посолонь. На это отступленіе отъ общецерковнаго обряда обратилъ вниманіе благочинный Кизлярскій и побуждалъ какъ священниковъ, такъ и всѣхъ казаковъ, слѣдовать во всѣхъ обрядахъ церковныхъ правиламъ православной церкви, т. е. креститься троеперстнымъ сложеніемъ и ходить противъ солнца. Но казаки, желая остаться при соблюденіи двуверстнаго крестнаго знаменія, обратились къ тогдашнему Астраханскому Епископу Иларіону, 18-го мая 1738 года, съ слѣдующею просьбою: „Великій Господинъ преосвященный Иларіонъ Епископъ Ас„траханскій и Ставропольскій; Вашего архипастырскаго благо„словенія нижайшіе раби гребенскаго войска войсковой ата„манъ Данила Аука и всего гребенскаго войка старшины и „казаки. Ибо блаженные и вѣчно достойные памяти Его им„ператорское величество Петръ Первый Імператоръ и само„держецъ всероссійскій какъ изъ Россіи слѣдовалъ въ дер„бентъ, і изъ дербента возвратно пошелъ; и тогда на насъ „нижайшихъ всякое поносили люди что мы збородами и впла„тие и двоеперстнымъ крестомъ молимся; и вдругомъ протчемъ „и его Императорское величество имъ сказалъ что де дѣло „маломочное ибо де ихъ самихъ имѣется всего згорсть; и жи„вутъ де они въ пограничномъ месте; и какъ де ихъ Богъ „управляетъ отъ неприятелей и служатъ де мнѣ Государю въ „вѣрности и без измѣны. И по отшествіи его императорскаго „величества по повелительскому указу остались при крепости „святаго креста Господинъ Генералъ артемеи Григорьевичь „Загряжской; и при немъ полковникъ і маіоръ и приводили „насъ к присяге за втораго Імператора; двоеперстнымъ кре„стомъ; также по указу его императорскаго величества при„сланъ былъ к намъ в гребенске городкиі Господинъ пол„ковникъ василей ивановичъ чириковъ; и приводилъ насъ к „присяге за предбудущаго двоеперстнымъ крестомъ; и ныне „вашего архипастырскаго благословенія всепокорно просимъ я „войсковой атаманъ и старшины и все гребенское войско Ибо

„ныне имѣющейся в кизлярской крепости Господинъ закащикъ „попъ ѳедоръ ивановъ и на насъ нижайшихъ имѣется отъ „него налога какъ всему войску такъ и нашимъ священни-„камъ; а наипаче ему возмущаетъ сынъ его попъ афанасей „ѳедоровъ въ крестѣ и в молитвѣ и что попы ходятъ в слу-„женіи и в бракахъ і в крещеніи по солнъцу; а мы нижай-„шие какъ отцы наши и дѣды жили в православной вѣре „такъ и мы в томже стоимъ неприбавливаемъ і не убавлива-„емъ; о томъ ваше архипастырское благословеніе самъ извѣ-„щенъ; також де которые прежде сего выходили изъ орды рус-„ские и разныхъ вѣръ люди и оженились у насъ и служатъ „ея императорскому величеству снами вравенствѣ; а дѣло на-„ше украйное: а отъ оной налоги много людей пропадетъ и „мнѣбъ войсковому атаману в томъ не остатца. Вашего архи-„пастырскаго благословенія нижайшіе раби гребѣнской войско-„вой атаманъ Данила Аука и старшины и все гребенское „войско благословения просимъ і должны за ваше архипастыр-„ское благословение вѣчно Бога молить.“

Вскорѣ по полученіи этой просьбы, Астраханскій епископъ Иларіонъ послалъ указъ на имя гребенскаго войсковаго атамана, всѣхъ старшинъ и казаковъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ полагать на себѣ крестное знаменіе тремя перстами, ссылаясь въ доказательство истинности такого перстосложенія на древній всеобщій обычай православной церкви, на троеперстное сложеніе креста въ правой рукѣ св. апостола Андрея Первозваннаго, присланной въ Москву въ 7152 г. цареградскимъ патріархомъ Парѳеніемъ царю Михаилу Ѳеодоровичу при патріархѣ Іосифѣ и разъяснивъ, что двуперстное сложеніе есть подражаніе еретику Мартину Армянину; при этомъ онъ ссылался также на указъ Императрицы Анны Іоанновны, которымъ повелѣно поступать безъ послабленія съ тѣми, которые послѣ пастырскаго увѣщанія останутся непослушными церкви касательно совершенія крестнаго знаменія. Что касается до ссылки казаковъ на то, что они присягали на вѣрность государямъ двуперстнымъ сложеніемъ, то Преосвященный Иларіонъ объясняетъ, что поднятіе руки вверхъ при присягѣ не есть крестное знаменіе, а имѣетъ другое значеніе. „Что же „вы пишете, говоритъ онъ, что присягали двоеперстнымъ кре-

„стомъ, когда при всякой присягѣ поднимаютъ вверхъ руку „съ простертыми двумя большими пальцы, уповая на то, яко- „бы таковымъ и креститися повелено і оное ко изображенію „на себѣ крестнаго знаменія не слѣдуетъ, понеже по воинско- „му уставу, какимъ образомъ присягу или обѣщаніе чинить „отъ генераловъ и дооендріха повелено положить лѣвую руку „на Евангеліе а правую руку поднять вверхъ спростертыми „двумя большими персты а солдатомъ (понеже ихъ множество) „правую только руку поднять предъ предлежащимъ еванге- „ліемъ, и то поднятіе знаменуетъ такую силу: *первое* прися- „гаю какъ *Богу* такъ и *Государю*, *второе* знаменутъ под- „нятіе тѣхъ же двухъ пальцевъ *вѣрою и правдою* присягаю, „а не ради крестнаго знаменія,“ Въ заключеніе Преосвящен- ный снова убѣждалъ атамана и всѣхъ казаковъ быть послуш- ными святой церкви и посылаемому указу и прислать подпи- ски въ томъ, что они будутъ поступать согласно этому ука- зу, а въ противномъ случаѣ угрожаетъ донести на нихъ Свя- тѣйшему Сѵноду и присовокупляетъ что „попы за означен- „ную святой церкви противность по жестокомъ наказаніи имѣ- „ютъ быть розстрижены и отосланы въ каторжную работу.“ Въ этомъ же указѣ архипастырь убѣждаетъ казаковъ, чтобы они непремѣнно исповѣдывались и причащались каждогодно, а такъ какъ въ молитвенныхъ домахъ ихъ не были устроены алтари, кромѣ одной Курдюковской станицы, гдѣ была Ни- колаевская церковь, то подтверждаетъ прежнее свое повелѣ- ніе, чтобы къ наступленію будущаго великаго поста устроили во всѣхъ молитвенныхъ домахъ алтари, чтобы въ каждой ста- ницѣ можно было совершать литургію и причащаться всѣмъ Тѣла и Крови Христовой. Указъ заканчивается слѣдующимъ привѣствіемъ: „А по сихъ всѣхъ вышеписанныхъ статіяхъ сы- „новомъ святыя восточныя апостольскія великороссійскія цер- „кве согласующимъ и святую Троицу на себѣ изображающимъ „отъ Господа Бога миръ, тишина и всякое благополучіе и „наше пастыркое благословеніе посылаемъ.“ Въ тоже время (27 іюня 1738 года) Преосвященный послалъ въ Св. Сѵнодъ „донесеніе,“ въ коемъ прописалъ какъ содержаніе просьбы казаковъ, такъ и содержаніе посланнаго къ нимъ увѣщатель- наго указа, обѣщаясь о послѣдствіяхъ этого указа донести

Сѵноду. Прописанное въ указѣ Преосвященнаго Иларіона повелѣніе относительно устройства алтарей при молитвенныхъ домахъ въ гребенскихъ станицахъ выслушано было казаками съ покорностію; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ войсковымъ атаманомъ, отъ лица всего гребенскаго войска, донесено было Преосвященному, что казаки во всѣхъ станицахъ охотно обѣщаются пристроить алтари въ молитвенныхъ домахъ и уже начали готовить потребные для того матеріалы; что же касается до крестнаго знаменія, то казаки не отвѣчали на указъ архіерейскій письменно, а послали въ Астрахань нѣсколько депутатовъ, которые передали Преосвященному словесно отъ лица всѣхъ казаковъ, что они съ полною готовностію будутъ исполнять всѣ правила святой церкви и всѣ таинства, что если многіе изъ нихъ до сего времени не пріобщались св. таинъ, то единственно по неимѣнію церквей, а съ устройствомъ церквей они непремѣнно будутъ исполнять этотъ христіанскій долгъ; только бы непринуждали креститься ихъ троеперстнымъ крестомъ. Принимая во вниманіе такую *покорность* (*) казаковъ, Преосвященный отвѣчалъ указомъ на имя войсковаго атамана и всего войска отъ 24 ноября 1738 г., въ коемъ прописалъ, что онъ въ двуперстномъ крестѣ уступаетъ имъ впредь до разрѣшенія вопроса объ этомъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ; эта уступка высказана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „присланные отъ всего гребенскаго войска Курдюковской станицы старшины Андрей Ивановъ, Иванъ Петровъ, да казакъ Анисимъ Іларіоновъ просятъ насъ словесно, дабы всѣмъ „гребенскимъ казакамъ уволить въ одномъ крестѣ двоеперстномъ, а въ протчихъ де таинствахъ святѣй апостольской „церкви противитися изъ васъ никто не будетъ; но будете „творити какъ по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ „святая великороссійская церковъ содержитъ, такъ и вы содержать будете и священникомъ ни въ какихъ таинствахъ „указывать и принуждать не будете. І мы, Преосвященный

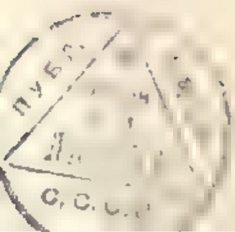
(*) Въ концѣ донесенія Преосвященному Иларіону отъ атамана гребенскаго войска касательно готовности казаковъ устроить алтари, написано: «Вашего архипастырскаго благословенія нижайшіе Богомольцы и раби; благословенія вашего отеческаго желаемъ «и поклонъ отдаемъ до *лица земнаго.*»

„Іларіонъ, епископъ астраханскій и Ставропольскій, нынѣ „вамъ въ двоперстномъ крестѣ до указу Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода уступаемъ, а о томъ Святѣйшему Правительствующему Сѵноду со мнѣніемъ своимъ предлагать будемъ, ибо оного мнѣ самому учинити не возможно.“ Въ слѣдующемъ 1739 году Святѣйшимъ Сѵнодомъ было предписано, чтобы для увѣщанія казаковъ отстать отъ двуперстнаго сложенія былъ отправленъ въ гребенскіе городки искусный человѣкъ; во исполненіе каковаго предписанія Преосвященный распорядился послать для сказанной цѣли священника Астраханской Рождественской церкви Артемія Гаврилова, которому приказалъ „обрѣтающихся въ гребенскихъ городкахъ какъ „атамановъ, такъ и казаковъ, отъ пришедшаго имъ раскольническаго суевѣрія и заблужденія изъ священнаго писанія и „изъ преданій церковныхъ о догматѣхъ вѣры и протчихъ таинствахъ и обрядахъ церковныхъ, какъ нынѣ святая великороссійская церковь содержитъ, увѣщевать съ преподаніемъ „довольнаго имъ наставленія і поступать тебѣ втомъ употребляя кроткаго и терпѣливаго духа и не искій своихъ, „си есть временныхъ корыстей, но яже Господа Іисуса со искреннею Бога и ближняго любовію, сохраняюще при томъ „всякое благочиніе і не употребляя ни какихъ сваръ и раздоровъ, и по увѣщаніи оныхъ всѣхъ какъ мужеска такъ и „женска полу велѣть обрѣтающимся тамо въ коемждо городкѣ попамъ исповѣдавъ пріобщить святыхъ таинъ не взирая „на ихъ суевѣрныя отговорки, и взять тебѣ сихъ казаковъ „за руками ихъ вѣрныя подписки въ сілѣ слѣдующей, дабы „они впредь суевѣрства и разврату церкве божия ни какова „не имѣли, а содержали всѣ таинства церковныя по древнему „апостольскому и отеческому преданію“ и проч. Священникъ, которому дано было это порученіе, не могъ его исполнить вслѣдствіе постигшей его болѣзни и послѣдовавшей за ней смерти, но, вѣроятно, кто либо другой былъ посланъ для увѣщанія казаковъ. Въ имѣющихся у насъ подъ руками дѣлахъ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ о послѣдствіяхъ увѣщанія, но можно предполагать, что казаки отнеслись недовѣрчиво и даже враждебно къ увѣщателю. Предположеніе это мы основываемъ на томъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ сдѣлан-

ныхъ Астраханскимъ Преосвященнымъ распоряженій касательно увѣщанія казаковъ оставить двуперстіе, они остановились постройкою церквей, которыя въ 1740 году приводились къ окончанію (вмѣсто постройки алтарей въ существовавшихъ молитвенныхъ домахъ, во всѣхъ станицахъ казаки строили новыя церкви, по причинѣ ветхости молитвенныхъ домовъ), такъ что для побужденія казаковъ къ окончанію устройства церквей Астраханское Епархіальное Начальство прибѣгло къ слѣдующей крутой мѣрѣ: священники изъ всѣхъ станицъ были забраны въ Кизляръ, при чемъ казакамъ было объявлено, что дотолѣ не будутъ возвращены имъ ихъ попы, пока они не окончатъ постройки церквей. Какъ благовидный предлогъ къ вызову всѣхъ священниковъ въ Кизляръ, выставлялось то, что они должны пріучиться къ надлежащему совершенію литургій, которыя не совершали по неимѣнію въ молитвенныхъ домахъ алтарей. Мѣра эта хотя произвела неудовольствіе среди казаковъ, однакожъ возъимѣла свое дѣйствіе: къ началу слѣдующаго 1741 года во всѣхъ станицахъ церкви были достроены и казаки обратились съ просьбою къ Астраханскому Преосвященному о присылкѣ необходимыхъ священныхъ сосудовъ и антиминсовъ и освященіи устроенныхъ церквей; вмѣстѣ съ тѣмъ просили и о возвращеніи взятыхъ отъ нихъ священниковъ, что ясно свидѣтельствуетъ, что они, казаки, вовсе нежелали отдѣляться отъ православной церкви. Отъ 8 января 1741 года войсковой атаманъ Иванъ Петровъ, отъ лица всего гребенскаго войска, между прочимъ, писалъ къ Преосвященному Иларіону: „рабски и всенижайше прошу, дабы отъ „вашего архипастырскаго благословенія повелено было милостивно отпустить изъ Кизлярской крѣпости нашихъ поповъ „кнамъ вгородки понеже мы нижайшие имѣемъ втомъ великую нужду, и живемъ безъ поповъ, аки скоты безъ пастыря. И дабы мы, нижайшие, отъ вашего архипастырскаго „благословенія не оставлены были, за что должны за ваше „архипастырское благословеніе вѣчно Бога молить“. Вслѣдствіе этой просьбы вскорѣ священники были возвращены изъ Кизляра во всѣ станицы; за тѣмъ въ томъ же 1741 году церкви во всѣхъ станицахъ снабжены были церковною утварью и антиминсами и освящены по чиноположенію церковному на-

рочито командированнымъ для того протопопомъ Астраханскаго Успенскаго собора Андреемъ Григорьевымъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было увѣщевать казаковъ, чтобы оставили двуперстіе. Къ тому же, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ, стали увѣщевать ихъ и возвратившіеся изъ Кизляра ихъ приходскіе священники, которые, вѣроятно, въ Кизлярѣ были убѣждены духовными властями въ истинности троеперстнаго сложенія. Казаки всѣхъ станицъ послѣ этихъ увѣщаній дали отъ себя подписки въ томъ, что ни въ чемъ не будутъ противиться святой церкви, но въ тоже время ни слова не упомянули въ этихъ подпискахъ относительно двуперстія. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ и оставили этотъ способъ совершенія крестнаго знаменія, но большинство, какъ видно изъ послѣдующаго хода дѣлъ, стояло за двуперстіе и въ доказательство законности этого обряда ссылалось, между прочимъ, на позволеніе епископа Иларіона, о которомъ упомянуто выше, хотя это позволеніе было не окончательное, а дано было только до указа Св. Синода. Въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ не было ни какихъ доносовъ духовному начальству о расколѣ среди казаковъ вышесказанныхъ станицъ; но въ концѣ 1744 года отъ священниковъ (*) этихъ самыхъ станицъ послѣдовало донесеніе къ Кизлярскому благочинному о томъ, что казаки состоятъ „въ немаломъ расколѣ „и противности святой церкви, имянно изображеніе креста „знаменуютъ на себѣ двоеперстнымъ, а не троеперстнымъ сло„женіемъ и сказываютъ якобы они имѣютъ о томъ отъ Его „преосвященства указъ." Благочинный донесъ объ этомъ немедленно преосвященному, который отъ 24 декабря 1744 г. предписалъ Астраханской духовной Консисторіи „послать ука„зы во всѣ гребенскіе городки къ атаманамъ, чтобъ казаки „церкви святѣй не противились, но во всемъ послушны якоже „сынове святѣй церкви, какъ и сами они въ 1741 году въ „доношеніи отъ всѣхъ городковъ за руками атамановъ и стар-

(*) Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ большая часть прежнихъ священниковъ, посвященныхъ изъ числа казаковъ, вѣроятно, умерли, а на мѣсто ихъ поступали новые священники, какъ видно изъ приводимыхъ въ актахъ именъ и фамилій станичныхъ священниковъ.

„шинъ прислали повинную, чтобъ имъ ни въ чемъ святѣй „церкви противнымъ не быть... Если жь паки въ своемъ двое„перстіи и упрямстве будутъ, то не токмо духовнымъ но и „гражданскимъ наказаніемъ наказаны будутъ.“ Вмѣстѣ съ симъ Преосвященный Иларіонъ распорядился, чтобы изъ консисторіи была послана промеморія въ Кизлярскую гражданскую канцелярію съ таковымъ подтвержденіемъ, чтобы консисторскій указъ во всѣхъ городкахъ прочитанъ былъ при унтеръ-офицерахъ, (которые должны развозить экземпляры этого указа) при священникахъ и при собраніи всѣхъ казаковъ. Исполнители этого распоряженія сдѣлали болѣе, нежели требовалось: не ограничиваясь торжественнымъ прочтеніемъ увѣщательнаго указа, унтеръ-офицеры, которымъ поручено было развести по станицамъ указы, стали требовать отъ казаковъ, чтобы тѣ дали подписки въ томъ, что будутъ впредь креститься троеперстнымъ, а не двоеперстнымъ сложеніемъ. Казаки упорствовали и не хотѣли давать ни какихъ подписокъ, а просили коменданта Кизлярской крѣпости, князя Василія Оболенскаго, чтобы позволилъ имъ отправить въ Астраханъ депутатовъ для ходатайства о непринужденіи ихъ креститься троеперстнымъ сложеніемъ и давали за это князю 100 р.; но князь не согласился исполнить ихъ просьбу, послѣ чего они дали подписки, въ которыхъ, сказавши о выслушаніи консисторскаго указа, объявили, что между ними не было и нѣтъ ни какого раскола, что они и впредь обѣщаются быть во всемъ покорными святой церки и соблюдать правила святыхъ апостолъ и св. отецъ, но что двоеперстнаго сложенія не могутъ измѣнить, такъ какъ учинили присягу двоеперстнымъ крестомъ Императорамъ Петру Великому и Петру второму, Императрицамъ: Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ и такъ какъ имѣютъ на то дозволеніе въ указѣ Астраханскаго Преосвященнаго Иларіона. Не ограничиваясь этимъ заявленіемъ въ отобранныхъ отъ нихъ въ апрѣлѣ 1745 года подпискахъ, они въ маѣ мѣсяцѣ того же года подали донесеніе предсѣдательствующему въ Кизлярскомъ духовномъ правленіи архимандриту Меѳодію, слѣдующаго содержанія: „Великому Господину Преосвященнѣйшему „архимандриту Меѳодію отъ гребенскаго войска всепокорней-

„щее донесеніе. В нынѣшнемъ 745 годе марта 6-го дня прислано къ намъ отъ вашего архимандритцкаго благословенія „изъ Астраханской духовной консисторіи въ наше гребенское „войско пять указовъ в которыхъ написано по доносу попов ъ щедринскаго Алексея Кононова, Кордюковскаго Николаевской церкви Василия Ларионова, Старогладковскаго Троицкой церкви Архипа Васильева будто мы состоимъ в великомъ расколе и все наше гребенское войско, и оной ихъ „доносъ при семъ доношеніи объявляемъ в нашемъ гребенскомъ „войске расколу не имеетца ибо какъ отцы наши, дѣды, прадѣды издревле состояли въ православной вѣре христіянской „и крестились двоеперсным ъ крестомъ также и мы нижайшія „гребенскаго войска войсковой атаманъ Іванъ Петровъ і есаулъ Ѳедоръ Яковлевъ и все станичныя атаманы и все гребѣнскаго войска старшины и казаки отъ мала і до велика в „томъ стоимъ и до нынѣ не убавливаемъ и не прибавливаемъ. „Ибо и въ вѣрной службѣ блаженныя и вечно достойныя памети Петру первому Імператору и отцу отечествия, Петру второму Імператору, самодержъцамъ всероссійскимъ, таковде „Государыне Імператрице Екатерине Алексѣевне, Государыне „Імператрице Аннѣ Иоанновне и всемилостивеишей Государыне Імператрице Елизавете Петровне самодержицамъ всероссійскимъ присягали мы нижайшия двоеперстнымъ крестомъ в томъ и ныне состоимъ и служимъ Ея Імператорскому величеству вверности и бѣзъ измены и нынѣ насъ „нижайшихъ принуждаютъ креститца троеперстнымъ крестомъ, „а понеже дѣло наше украинное і на имя Ея Імператорскаго „величества выходятъ изъ горъ і съ прочихъ местъ изъ плену разныхъ вѣръ люди і принимаютъ вѣру греческаго исповѣдания и оныя окрестились і оженились, і живутъ у насъ „в гребѣнскихъ городкахъ домами какъ и мы нижайшія состоимъ тако і они служатъ Ея Імператорскому величеству в „верности и получаютъ Ея Императорскаго величества денежное і хлѣбное жалованье съ нами в равенствѣ. Того ради „вашему архимандритцкому благословению всепокорно доносимъ гребѣнскаго войска войсковои атаманъ Іванъ Петровъ „и войсковой есаулъ Ѳедоръ Яковлевъ і все станичныя атаманы і всего нашего гребѣнскаго воиска старшины что дѣло

„наше украиное и отъ оноя налоги люди не стерпятъ разбредутся а я войсковой атаманъ в томъ великое имѣю опасеніе, штобъ мнѣ нижайшему в томъ не остатся. что подали мнѣ войсковому атаману станичныя атаманы с каждои „станицы по доношенію объ оныхъ людехъ і о всехъ казаках какъ бы не разбрелись отъ великой налоги. Оныя доношенія я войсковой атаманъ принялъ и с оныхъ доношеніи „учинилъ вашему архимандритцкому благословенію доношеніе, „дабы повелено было на оное учинить милостивою резолюцыю. „І со оным доношеніемъ к вашему архимандритцкому благословенію послали три старшины Егорея Кирикова Афанасия Петрова Матоея Кузмина маия 20 дня 1745 году.“

Понятно стало послѣ сего какъ для духовенства, такъ и для гражданскихъ властей, что отучить Терскихъ казаковъ отъ двуперстнаго сложенія невозможно, въ особенности мѣрами принужденія, отъ каковыхъ казаки дѣйствительно разбрелись бы врозь, если бы начальство продолжало настойчиво дѣйствовать въ пользу отмѣны двуперстія. Опасаясь возмущенія казаковъ, комендантъ Кизлярской крѣпости, князь Оболенскій, въ промеморіи, посланной въ Астраханскую Консисторію отъ 10 мая 1745 г., извѣстивъ о послѣдствіяхъ прочтенія казакамъ вышеупомянутаго консисторскаго указа, съ препровожденіемъ данныхъ казаками подписокъ, между прочимъ, высказываетъ такое мнѣніе съ своей стороны: „Хотя „оные подписки съ нихъ взяты, только отъ того расколу они „отврагитца никакъ не могутъ, развѣ не благоволитъ ли духовная консисторія для лутчего отвращенія ихъ отъ того „расколу прислать кого изъ духовныхъ дастаточно ученаго „человѣка, которому нѣсколько времени здѣсь и пожить надобно и всячески ихъ увѣщевати здовольнымъ временемъ. „Можетъ бы оные казаки отъ того расколу и отвратились а „безъ того по такой ихъ мерской закоснелости отвратить ни „какъ не возможно. Чего ради духовной консисторіи и мое „мнѣніе преподаю, а ежели за чемъ прислать не возможно, „то не благоволено ли будетъ и насыланіемъ о томъ указовъ „оставить чтобъ темъ наиболѣе ихъ не привести въ развращеніе и въ дальные замыслы.“ Когда Преосвященный Иларіонъ получилъ донесеніе изъ Консисторіи о послѣдствіяхъ

обнародованія вышеупомянутаго указа, то, желая поскорѣе успокоить смущенную совѣсть казаковъ, немедленно послалъ изъ своей походной канцеляріи, отъ 25 іюня 1745 года, указъ на имя консисторіи, въ которомъ высказавъ, что такъ какъ въ гребенскихъ станицахъ раскола не имѣется и казаки этихъ станицъ только желаютъ сохранить употребленіе двуперстнаго крестнаго знаменія, а также упомянувъ, что указомъ, даннымъ въ прошломъ 1745 году, онъ вовсе не предписывалъ отбирать отъ казаковъ подписки въ обѣщаніи соблюдать троеперстное сложеніе крестнаго знаменія, предложилъ Консисторіи, чтобы казаки во всѣхъ гребенскихъ городкахъ отнюдь не были принуждаемы къ троеперстному сложенію. Такъ какъ около того же времени Преосвященный Иларіонъ получилъ и донесеніе отъ войсковаго атамана, написанное въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и вышепрописанное донесеніе на имя архимандрита Меѳодія, то особыми указами предписалъ священникамъ гребенскихъ станицъ, чтобы они „въ изображеніи троеперстнаго сложенія креста при-„нужденія и нападковъ не чинили и взятковъ бы ни ка-„кихъ съ нихъ не брали, понеже у нихъ кромѣ креста „иного расколу никакого нѣтъ, къ томужъ множественное число „и кромѣ ихъ казаковъ Россійскій народъ крестится двоепер-„стнымъ сложеніемъ и чемъ находится не весьма великой „расколъ“.

Приведенные факты свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія среди Терскихъ казаковъ не было раскола въ собственномъ смыслѣ. Знакомство съ этими фактами, по нашему мнѣнію, не безполезно было бы для современныхъ намъ раскольниковъ изъ числа Терскихъ казаковъ, которые, какъ и всѣ вообще раскольники, въ оправданіе свое любятъ ссылаться на примѣры отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ: изъ вышеприведенныхъ документовъ они могутъ убѣдиться, что предки ихъ, родоначальники Терскаго войска, были въ послушаніи православной церкви и ея пастырямъ и только отличались отъ другихъ православныхъ христіанъ двуперстнымъ сложеніемъ крестнаго знаменія, что они были не только защитниками русской земли отъ хищныхъ горцевъ, но и распространителями православной вѣры въ новомъ краѣ,

такъ какъ многихъ изъ приходившихъ къ нимъ людей разныхъ вѣроисповѣданій обращали въ православную вѣру.

Тѣмъ не менѣе религіозно-нравственное состояніе гребенскихъ казаковъ въ XVIII столѣтіи и особенно отдаленность отъ центра государственнаго управленія и географическія условія обитаемой ими мѣстности представляли удобную почву для распространенія между ними раскола, который въ второй половинѣ XVIII столѣтія нашелъ себѣ удобное пристанище на Дону, наВѣткѣ и въ Стародубьѣ, откуда во всѣ концы Россіи стали выходить дѣятельные и нерѣдко фанатическіе пропагандисты раскола. Въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи этимъ слѣпымъ ревнителямъ старины было очень удобно распространять расколъ, а среди казаковъ терскаго войска было тѣмъ удобнѣе, что сѣмена раскола были насаждены среди нихъ еще въ концѣ XVII столѣтія и что въ дремучихъ лѣсахъ, окружавшихъ станицы, они находили себѣ безопасное пристанище. Въ числѣ распространителей раскола среди терскихъ казаковъ было не мало бѣглыхъ солдатъ и другихъ бродягъ, которые или поселялись у казаковъ, или основывали въ сосѣднихъ съ станицами лѣсахъ скиты, куда охотно приходили и гдѣ легко заражались расколомъ любители подвижнической жизни, а чрезъ нихъ и другіе жители.

Начиная съ 1751 года, какъ видно изъ имѣющихся у насъ подъ руками дѣлъ Астраханской духовной консисторіи, почти ежегодно вблизи Кизляра и станицъ гребенскаго войска, а также и въ самыхъ станицахъ, отъискиваемы были распространители раскола, которые въ первые годы перваго десятилѣтія второй половины XVIII стол. на судѣ не признавали себя раскольниками, а потомъ, находя себѣ сильную поддержку со стороны казаковъ и самыхъ станичныхъ начальниковъ, стали смѣлѣе. По скудости историческихъ свѣдѣній о расколѣ на Кавказѣ, нужнымъ считаемъ сообщить обо всѣхъ, извѣстныхъ намъ изъ дѣлъ упомянутой консисторіи, случаяхъ обнаруженія пропаганды раскола среди терскихъ казаковъ за означенное время.

Въ 1751 году въ окрестныхъ съ гребенскими городками лѣсахъ было поймано четыре раскольника, именно: Алексѣй Ивановъ изъ донскихъ казаковъ, Александръ Дми-

тріевъ также изъ донскихъ казаковъ, Абазинецъ Димитрій Васильевъ и крестьянинъ Керенскаго уѣзда Аѳанасій Алифановъ. На допросѣ въ Кизлярскомъ духовномъ правленіи всѣ они показали, что бѣжали въ лѣса ради спасенія своей души, что крестятся двуперстно, соблюдая наставленія своихъ родителей, въ церковь ходятъ и священниковъ почитаютъ, что казаки къ нимъ не прихаживали и они нечему ихъ не учили, такъ какъ и сами неграмотны. Относительно найденныхъ у нихъ старообрядческихъ книгъ показали, что они блюдутъ ихъ, какъ наслѣдіе отъ родителей, но за незнаніемъ грамоты не читаютъ. Однакожъ на вторичномъ допросѣ одинъ изъ нихъ (Алифановъ) показалъ, что онъ и его товарищи собирались для слушанія чтенія книгъ къ живущему на Терекѣ пустыннику Никитѣ Михайлову, у котораго, какъ видно изъ ихъ показаній, найдены были принадлежности для таинства причащенія. Судя по этому, а также и по тому, что у поименованныхъ скитниковъ были найдены старообрядческія книги, можно съ достовѣрностію заключать, что всѣ означенные бѣглецы собирались къ богослуженію къ одному изъ своихъ товарищей и проповѣдывали расколъ приходившимъ къ нимъ станичнымъ жителямъ. О дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ допроса этихъ пустынниковъ изъ дѣла ничего неизвѣстно.

Въ томъ же 1751 году разъѣздною военною командою пойманъ былъ на одномъ изъ острововъ Терека отставной донской казакъ Терентій Тимоѳеевъ, и въ окрестностяхъ его жилища, въ урочищѣ „Большая Лука“, найдены были спрятанныя въ лѣсу богослужебныя книги, шестнадцать иконъ и два креста. Казакъ этотъ показалъ, что отъ роду имѣетъ девяносто лѣтъ, бѣжалъ въ лѣсъ, „ради моленія Богу, чтобы въ народѣ кому не согрѣшить“, кормится своими трудами, а въ казацкихъ городкахъ пристанища не имѣлъ и къ себѣ никого не принималъ, найденныхъ въ лѣсу книгъ не знаетъ, крестится двуперстно, прежде исповѣдывался и пріобщался св. таинъ, а въ послѣднее время за старостію въ церковь не можетъ ходить, а также и на исповѣдь и для причастія. Судя по тому, что найденныя въ окрестностяхъ хижины этого казака богослужебныя книги были спрятаны, можно заключать, что и онъ

былъ изъ числа раскольниковъ. Мысль эта подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ послѣдующіе годы, какъ видно изъ дѣлъ Астраханской консисторіи, раскольники стали обнаруживаться во многихъ станицахъ, расположенныхъ по Тереку.

Въ 1756 году представленъ былъ въ Астраханскую духовную консисторію одинъ изъ пропагандистовъ раскола среди терскихъ казаковъ, Ѳедоръ Степановъ, раскаявшійся въ своемъ заблужденіи и откровенно сознавшійся предъ начальствомъ; съ нимъ вмѣстѣ былъ представленъ и одинъ изъ его товарищей. Расколоучитель этотъ былъ по происхожденію татаринъ, и похожденія его на столько интересны и важны для характеристики раскола, что мы за нужное считаемъ передать читателямъ весь разсказъ объ этихъ похожденіяхъ словами самаго разсказчика. Въ отвѣтахъ на вопросные пункты, предложенные ему комендантомъ Кизлярской крѣпости, и въ прошеніи, поданномъ имъ въ Астраханскую духовную консисторію, онъ говоритъ слѣдующее: „Ѳедоромъ меня зовутъ, Степановъ сынъ; сколько отъ роду будетъ лѣтъ, не помню; природы я—кубанской орды татаринъ; съ малыхъ лѣтъ меня калмыки плѣнили и, привезя въ Кизляръ, продали кизлярскому купцу Степану Иванову, который меня въ вѣру греческаго исповѣданія окрестилъ и крестнымъ отцемъ моимъ былъ; сколько лѣтъ я жилъ у него, не знаю. Хозяинъ мой однажды послалъ меня до Червленаго казачьяго гребенскаго городка для покупки чихиря; дорогою меня между Щедринымъ и Червленымъ наѣхавшіе на степи невѣдомые два человѣка изъ татаръ взяли и отвезли на Кубань, откуда чрезъ Крымъ въ Бендеры, и продали тамошнимъ жителямъ; тамъ я находился лѣтъ съ шесть; оттуда меня вывезли пріѣхавшіе для торгу малороссіяне изъ Польши и привезли въ Могилевъ, гдѣ былъ недѣли съ двѣ, и пошелъ по Подолью чрезъ Немировъ и прочія мѣста, пришелъ на Вѣтку и тутъ былъ года съ полтора; потомъ пошелъ въ Стародубскую слободу, а оттуда въ Харьковъ, изъ Харькова съ донскими казаками въ Пятиизбянскую станицу, а оттуда въ Дубовскую станицу волгскаго войска. Отсюда прибывъ въ Астрахань, явился въ 1751 году въ Астраханскую губернскую канцелярію и въ оной допрашиванъ и отправленъ до Кизляра съ купцомъ Алексѣемъ

Диковиннымъ; по привозѣ сюда, допрашиванъ же, а по допросѣ данъ мнѣ изъ Кизлярской гражданской канцеляріи указъ для повольнаго житья; по взятіи указа, находился при Кизлярской крѣпости малое время; тутъ пришелъ ко мнѣ живущій въ казачьемъ гребенскомъ Щедринѣ городкѣ неслужащій казакъ Иванъ Леонтьевъ; взявъ меня и поговоря, привезъ въ Щедринъ къ живущему тутъ сходцу (бѣглецу) съ Дона Кириллѣ Никифорову; обще трое отъѣхали мы въ урочище Шевелеву Луку, въ сдѣланную тамо келью. Тутъ мы остались и пребывали до половины 1753 года, молились по раскольнически, и тамо, въ кельѣ, я службу производилъ пораскольнически и при смерти случившихся человѣкъ до трехъ казаковъ, которые уже померли, причащалъ данными мнѣ отъ раскольническихъ поповъ запасными дарами. Въ монашество постриженъ я былъ пораскольнически во время выхода изъ полону на Днѣстрѣ, въ Могилевѣ, тамо обрѣтающимися раскольническими чернецами, а именно—іеромонахомъ діаконова согласія Игнатіемъ и прочими многими, коихъ весьма состоитъ тамо много. Имя мнѣ наречено Ѳеодосій и платье черническое дано, которое нынѣ взято при мнѣ подъ караулъ. Казаки никакого противнаго раскола не имѣютъ, токмо крестомъ, имѣя нижніе два перста прижаты къ большему, молятся. Ко мнѣ прихаживали казаки къ слушанію книгъ, во время чтенія моего, щедринскіе: Илья Антоновъ съ женою, Алексѣй Ванжинъ съ женою, Иванъ Исаевъ, Павелъ Марковъ, Евдокимъ Павловъ, съ женами своими, женки вдовыя—Матрена Иванова, Пелагея Харитонова, да въ Щединѣ жъ находящійся Ѳедотъ Ивановъ хромой. Какъ товарищъ мой Иванъ Леонтьевъ отлучился, (уповаю, не куда, какъ въ Стародубскую слободу къ раскольникамъ), а Кирилла Никифоровъ умре, то я, уже опасаясь въ кельѣ, чтобъ не пронеслось эхо, а особливо форпостными бъ пойманъ не былъ, жить пришелъ въ Щедринъ; имѣющіяся у меня книги и посуду, изъ которой причастіе производилъ, чарочку, ложицу деревянную, ящичекъ, въ коемъ имѣется причастіе, данное мнѣ отъ имѣющихся священниковъ раскольническихъ при томъ мѣстѣ, гдѣ былъ я постриженъ, пелены, образа и кресты отдалъ казаку Ивану Исаеву; книги: Благовѣстникъ, Часословъ, Мар-

гарптъ, Іоанна Лѣствичника, Апокалипсисъ, Минея общая отданы старогладковскому казаку Григорію Ушейкину; Ирмологъ—въ Щедринѣ, у казака Петра Лихошкова, Прологъ—Щедринскому казаку Родіону Жмурину. Потомъ, мало же поживъ въ Щедринѣ, нанимался у разныхъ казаковъ во всѣхъ городкахъ въ разныя работы даже до нынѣшняго 1756 года; а тутъ, пришедши въ Кизляръ и оставя тотъ свой монашескій чинъ, женился на падчерицѣ Кизлярскаго жителя Григорія Миняева Маріѣ Евсеевой, въ февралѣ мѣсяцѣ; живучи съ оною женою, въ разныхъ мѣстахъ торговалъ и между людьми слыша поученія и самъ читая многія поученія, раскаясь и на истинный путь желая обратиться, написалъ доношеніе въ Кизлярское духовное правленіе и, спрятанное у меня платье отъискавъ, положилъ подъ головы, гдѣ спали. И то платье присланными караульными вынуто и представлено. На исповѣди и у св. причастія я, по бытности моей въ расколѣ, не бывалъ и въ церквахъ нигдѣ божественнаго писанія не слушивалъ, а всегда отъ того удалялся; токмо въ послѣднюю четыредесятницу здѣсь, въ Кизлярѣ, у троицкаго священника, первой разъ на духу былъ, а причастія неудостоенъ. И ему, священнику, о расколѣ, содержимомъ мною, не каялся и утаилъ." Вотъ каковы были проповѣдники раскола среди терскихъ казаковъ! Для полной характеристики расколоучителя Степанова прибавимъ, что самое совращеніе свое въ расколъ онъ объяснилъ, какъ видно изъ дѣла, „отъ неразумѣнія своего, понеже природы былъ татарской" и что сознаніе его и раскаяніе произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что православная жена его, усмотрѣвъ имѣвшіяся у него книги, монашеское платье и принадлежности причащенія, объявила о томъ кизлярскому троицкому священнику. Изъ показаній, данныхъ взятымъ по доносу сказаннаго расколоучителя Степанова, проживавшимъ у разныхъ казаковъ Щедринской станицы по найму, крестьяниномъ Ѳедотомъ Ивановымъ, видно, что Степановъ совершалъ богослуженіе и проповѣдывалъ расколъ по домамъ разныхъ казаковъ, и что въ расколъ успѣлъ совратить очень немногихъ, такъ что въ станицахъ Щедринской, Червленской, Старогладковской и Каргалинской расколомъ было заражено не болѣе, какъ человѣкъ по десяти.

По опредѣленію Астраханской духовной консисторіи, бывшій расколоучитель Ѳедоръ Степановъ, какъ раскаявшійся въ своемъ заблужденіи, былъ присоединенъ къ православной церкви и, согласно его желанію, помѣщенъ на трехлѣтній искусъ въ астраханскій Спасо-Преображенскій монастырь; а Ѳедотъ Ивановъ, какъ больной и притомъ только совращавшійся, но еще не совращенный въ расколъ, былъ помѣщенъ въ астраханской соборной богадѣльнѣ.

Такимъ образомъ въ началѣ второй половины XVIII столѣтія началось совращеніе въ расколъ казаковъ Терскаго войска. Что касается до того, какъ относились къ проявленіямъ раскола мѣстные священники, то изъ одного дѣла, возникшаго въ Астраханской духовной консисторіи въ 1758 году, можно заключать, что со стороны мѣстнаго духовенства не было принимаемо надлежащихъ мѣръ къ противодѣйствію распространенію раскола, и что нѣкоторые священники своимъ поведеніемъ даже косвенно способствовали расколу. Именно, 23-го мая 1758 года Кизлярское духовное правленіе доносило консисторіи, что въ приходѣ священника Староглад-ковской станицы Димитрія Маркова „проявился знатный по всему гребенскому войску раскольникъ Иванъ Беззубовъ, къ коему изъ другихъ городковъ для исповѣди пораскольнически и причастія многіе пріѣзжаютъ, и оный Беззубовъ то съ ними и чинитъ, ибо онъ грамотѣ умѣющій, а самъ онъ, уповательно, никогда на исповѣди не бываетъ и живетъ подъ укрываніемъ поповымъ изо взятковъ; оный же священникъ Марковъ, по увѣдомленію отъ форпостныхъ, стоящихъ въ томъ городкѣ военнослужителей, нынѣшняго 1758 года почти чрезъ весь великій постъ службы Божіей въ церкви не отправлялъ, также и въ день свѣтлаго воскресенія обѣдни, за пьянствомъ его, не было."

Съ своей стороны Кизлярское духовное правленіе для прекращенія раскола полагало за необходимое сыскивать раскольниковъ, какъ живущихъ въ станицахъ, такъ и укрывающихся въ лѣсахъ и на островахъ и обращать ихъ въ православную вѣру, о чемъ и просило разрѣшенія Астраханской

духовной консисторіи (отъ 23 мая 1758 г.); по какой отвѣтъ данъ былъ консисторіею, изъ дѣла не видно, а видно только, что годъ отъ году число раскольниковъ увеличивалось.

Въ 1759 году въ Астраханскую духовную консисторію представлены были пойманные въ лѣсу на Терекѣ три раскольника и съ ними іеромонахъ Иларіонъ, бывшій въ свитѣ Астраханскаго архіерея во время обозрѣнія имъ епархіи и бѣжавшій изъ Червленной станицы. Этотъ іеромонахъ при допросѣ показалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ бытность мою въ Червленной станицѣ, при свитѣ Его Преосвященства, возъимѣлъ я намѣреніе какимъ нибудь случаемъ пробраться въ Царь-Градъ для посмотрѣнія тамошняго положенія мѣста, гдѣ напредъ сего святые отцы имѣли обиталище, и, по знаемости моей турецкаго и армянскаго разговору, ради понятія разныхъ духовныхъ наукъ. Почему въ тойже Червленой станицѣ чрезъ выспрашиваніе многихъ людей развѣдалъ, какимъ случаемъ и куда проходятъ желающіе Богу трудиться и въ одно время, наканунѣ воскресенія Христова, отслужа при Его Преосвященствѣ всенощное бдѣніе, въ ночное время тайно ушелъ. Шелъ три дня, а на четвертый наѣхали на меня два человѣка, которые о себѣ объявили, якобы они конвойные за архимандритомъ Осетинской коммисіи и повезутъ меня къ показанному архимандриту, но, по просьбѣ моей, взявъ съ меня денегъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ, отпустили и велѣли идти, чтобы архимандриту непопасться. Я пошелъ въ сторону дороги въ лѣсъ, гдѣ усмотрѣлъ меня одинъ человѣкъ съ дерева и, пришедъ съ тремя товарищами, объявилъ мнѣ, чтобъ идти къ архимандриту, къ которому меня и привели. На другой день, какъ архимандритъ со свитою стали убираться въ путь и какъ для взятія и запряженія лошадей люди разошлись и только остался близь меня одинъ грузинецъ, я, сошедши въ сторону въ лѣсъ, отъ нихъ ушелъ и въ тотъ же день въ полдень пришелъ къ рѣкѣ Тереку, гдѣ усмотрѣлъ двухъ человѣкъ, которые, распрося меня подробно, отвезли выше на островокъ къ находящемуся для ученія расколу монаху Павлу, который о себѣ сказывалъ, что онъ родиною изъ донскихъ казаковъ и постриженъ въ монашескій чинъ отъ раскольниковъ въ Польшѣ, въ мѣстечкѣ Вѣткѣ, и былъ для

того ученія на Яикѣ, Кубани и въ прочихъ мѣстахъ, а нынѣ, тому лѣтъ съ двадцать, живетъ на рѣкѣ Терекѣ близъ гребенскихъ городковъ, а временемъ бываетъ и въ самыхъ гребенскихъ городкахъ; разговорясь со мною, показалъ мнѣ отрицательную отъ православной восточной церкви книжку, въ которой они насъ называютъ никоніанами и всѣхъ насъ якобы за неправое содержаніе и перемѣну старыхъ церковныхъ обычаевъ проклятію предаютъ; потомъ увѣщевалъ меня, если я по оной отрицанія не учиню, то имъ со мною не подобаетъ никакого сообщенія имѣть, а у насъ де для тебя особливо и изъ пищи продажнаго не имѣется. Почему я, хотя не отъ искренняго желанія, въ угодность его отрицался и по ней православную греко-россійскаго исповѣданія церковь и содержащіеся въ ней догматы проклятію предавалъ... На другой день, по просьбѣ моей, чтобъ онъ отвезъ меня въ другое какое мѣсто, что съ нимъ мнѣ жить скучно, онъ сказалъ, что отвезетъ, токмо надобно мнѣ остричься, чтобы люди меня признать не могли и я ему остричь себя позволилъ; онъ, Павелъ, отвезъ меня пониже на кошъ къ казаку Петрушкѣ, именуемому шайтану, а онъ отвезъ къ казаку Ивану Давыдову, съ которымъ я жилъ я до поимки. Взятые со мною и сюда привезенные расколъ имѣютъ и службу дневную по старопечатнымъ книгамъ и по своимъ уставамъ совершаютъ; только я съ ними никакого общества въ расколѣ и склонности къ оному неимѣлъ, а токмо желаніе мое было пробраться въ Царь-Градъ и Іерусалимъ и посмотрѣть тамошнія святыя мѣста."

Судя по словамъ самаго іеромонаха Иларіона и по обстоятельствамъ, разсказаннымъ имъ при допросѣ, можно съ достовѣрностію заключать, что онъ, Иларіонъ, бѣжалъ къ терскимъ раскольникамъ, чтобы жить среди нихъ и совершать для нихъ богослуженіе. Если бы онъ дѣйствительно имѣлъ желаніе путешествовать по св. мѣстамъ, то для осуществленія этого желанія не было необходимости въ тайномъ бѣгствѣ; а если бы былъ твердъ въ православіи, то не осмѣлился бы произнести отрицаніе отъ православной церкви, тѣмъ болѣе, что со стороны упомянутаго въ его показаніи монаха Павла не было употреблено въ отношеніи къ нему никакого насилія и они при этомъ были только вдвоемъ. Изъ числа пойман-

ныхъ въ одно время съ этимъ іеромонахомъ раскольниковъ, жившихъ въ лѣсу близъ гребенскихъ станицъ, двое были бѣжавшіе съ Дону казаки, а одинъ—крестьянинъ изъ Нижняго-Новгорода. Первый изъ нихъ, Осипъ Ивановъ, показалъ, что онъ назадъ тому года съ четыре, сговорившись съ нѣсколькими казаками Пятиизбейской станицы и другими пришлыми людьми, въ числѣ до десяти человѣкъ, пошли для богомолья въ гребенскіе городки. На пути, близъ рѣки Кумы, на нихъ напали татары, отъ которыхъ онъ, Ивановъ, успѣлъ скрыться, а что сталось съ товарищами, незнаетъ; затѣмъ онъ пришелъ въ урочище Моздокъ и пристала къ живущему тамъ раскольнику Потапу Романову, отъ котораго еще болѣе научился расколу. Другой изъ пойманныхъ раскольниковъ, по имени Потапъ, показалъ, что онъ также изъ донскихъ казаковъ, назадъ тому лѣтъ семь пошелъ вмѣстѣ съ другими казаками для богомолья на Куму въ черные лѣса; но, по незнанію дороги, пришли на Терекъ и поселились на островахъ этой рѣки выше Червленой станицы, гдѣ и жили года съ полтора; отсюда, опасаясь поимки, ушли на Куму, а такъ какъ по прошествіи года сюда была изъ Кизляра послана команда для поимки разныхъ бѣглецовъ, то, изъ опасенія попасться въ ея руки, онъ снова ушелъ на Терекъ и поселился въ урочищѣ Моздокѣ, гдѣ присталъ къ нему другой раскольникъ изъ донскихъ же казаковъ Осипъ Ивановъ, котораго онъ утверждалъ въ расколѣ по имѣющимся у него старопечатнымъ книгамъ. На вопросъ относительно бытія на исповѣди и у св. причастія Потапъ показалъ, что не бываетъ потому, что нынѣшнюю россійскую церковь признаетъ за неправую. При немъ, между прочимъ, найдена была частица хлѣба, завернутая въ пяти бумажкахъ, для причащенія: эту частицу онъ получилъ отъ посѣщавшаго его яицкаго казака Ивана Иванова, который былъ въ Вѣткѣ, откуда и принесъ съ собою запасные дары и куда снова ушелъ. Третій изъ пойманныхъ раскольниковъ, крестьянинъ Иванъ Смирновъ, послѣ странствованія по разнымъ мѣстамъ поселившійся также на Терекѣ, показалъ, что когда онъ прибылъ на Терекъ и поселился въ урочищѣ Моздокѣ, то нашелъ тамъ живущихъ по островамъ нѣсколькихъ стариковъ раскольниковъ, къ ко-

торымъ онъ хаживалъ и которыхъ принималъ къ себѣ; изъ нихъ ревностнѣе другихъ проповѣдывалъ расколъ казакъ Потапъ Романовъ.

Изъ показаній поименованныхъ раскольниковъ видно, что къ концу перваго десятилѣтія второй половины XVIII столѣтія молва о насажденіи раскола среди Терскихъ казаковъ проникла въ разные концы Россіи и привлекала сюда немалое число разныхъ искателей приключеній какъ изъ числа раскольниковъ, такъ и изъ православныхъ, которые, вступая въ сообщество съ раскольниками, сами склонялись въ расколъ. Въ послѣдующіе годы расколъ нашелъ себѣ покровительство со стороны станичныхъ начальниковъ терскаго войска и хотя по временамъ, вслѣдствіе просьбъ епархіальнаго начальства, гражданскими и военными властями края были отъискиваемы въ лѣсахъ бѣглые раскольники, но эти одни внѣшнія мѣры нисколько не ослабляли раскола: какъ скоро было открываемо гнѣздо раскола въ одномъ мѣстѣ, раскольники переселялись въ другое, болѣе безопасное, или укрывались по станицамъ, гдѣ болѣе и болѣе распространяли расколъ.

Въ 1760 году одинъ драгунъ, посланный изъ Кизляра въ гребенскіе городки по разнымъ порученіямъ, близъ Червленной станицы встрѣтилъ двухъ человѣкъ, ѣхавшихъ на арбѣ и одного верховаго, ѣхавшаго около этой арбы. Такъ какъ эти путешественники показались драгуну подозрительными, то онъ спросилъ ихъ, что они за люди. Въ отвѣтъ на это ѣхавшіе сказали драгуну, что ему до нихъ дѣла нѣтъ и хотѣли его стащить съ лошади. Когда же онъ вынулъ пистолетъ, то они, бросивъ арбу, убѣжали въ лѣсъ. Арба была представлена начальству; по разборѣ находившихся въ ней вещей, найдено было въ ней до десяти старопечатныхъ и рукописныхъ богослужебныхъ книгъ, четыре монашескихъ мантіи и желѣзныя вериги. Всѣ эти вещи представлены были въ Астраханскую духовную Консисторію, которая въ заключеніи своемъ по поводу этихъ принадлежностей раскольнической жизни высказала, что кромѣ пойманныхъ въ гребенскихъ городкахъ и близъ оныхъ раскольниковъ, въ городкахъ этихъ находится *множество раскольниковъ* подъ защитою и при-

крытіемъ войсковаго атамана Ивана Иванова и станичныхъ жителей, а потому, на основаніи указа Св. Синода отъ 30-го марта 1755 года и именнаго указа Императора Петра Великаго отъ 19 ноября 1721 года, просила Кизлярскую комендантскую канцелярію усилить мѣры къ поимкѣ скрывающихся въ гребенскихъ станицахъ и вблизи ихъ раскольниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послала указъ къ войсковому атаману Иванову о томъ, чтобы онъ не пропускалъ въ гребенскія станицы бѣглыхъ раскольниковъ и, сыскавъ находящихся тамъ, препроводилъ ихъ подъ карауломъ въ консисторію; о томъ же посланъ былъ указъ и въ Кизлярское духовное правленіе. Но когда это правленіе потребовало отъ поименованнаго войсковаго атамана Ивана Иванова подписки въ томъ, что онъ будетъ сыскивать бѣглыхъ раскольниковъ, то атаманъ требуемой подписки не далъ и отправился въ Астрахань хлопотать о томъ, чтобы не безпокоить раскольниковъ. Въ томъ же смыслѣ, т. е. что не слѣдуетъ безпокоить раскольниковъ, отвѣтила и кизлярская комендантская канцелярія, выставляя на видъ, что Терскіе казаки живутъ въ пограничномъ мѣстѣ и отъ страха и принужденія могутъ разбѣжаться. Зная такой взглядъ гражданскаго начальства, упомянутый войсковой атаманъ Иванъ Ивановъ укрывалъ бѣглыхъ раскольниковъ даже въ своемъ домѣ, а мать его, атамана, Анисья, какъ показалъ дворовый его человѣкъ Михаилъ, принуждала свою прислугу, въ томъ числѣ и его, Михаила, съ женою, проклинать православную церковь и, встрѣтивъ со стороны ихъ сопротивленіе, заставляла, при помощи жившихъ въ атаманскомъ домѣ раскольниковъ, обратиться въ расколъ побоями и угрозою утопить въ водѣ. Жалоба, принесенная этимъ дворовымъ человѣкомъ въ кизлярскую комендантскую канцелярію, осталась безъ всякихъ послѣдствій; а явное покровительство, оказываемое раскольникамъ атаманомъ гребенскихъ казаковъ Ивановымъ, способствовало большему и большему распространенію раскола, приверженцы котораго уже не стали скрываться, а обнаруживали себя нехожденіемъ въ церковь и уклоненіемъ отъ исповѣди и св. причастія. Въ 1764 году священники гребенскихъ станицъ донесли Кизлярскому духовному правленію, что въ приходахъ ихъ, не смотря на ихъ убѣжденія,

очень многіе не были на исповѣди и у св. причастія и вообще не бываютъ въ церкви, именно: въ Курдюковской станицѣ 254 человѣка, въ Старогладковской 219, Новогладковской 142, въ Щедринской 938, въ Червленной 171, всего обоего пола 1724 человѣка. Въ означенномъ донесеніи, между прочимъ, упомянуто, что есаулъ Червленской станицы съ нѣсколькими казаками приходилъ къ мѣстному священнику и усиленно просилъ его, чтобы онъ всѣхъ неисповѣдавшихся казаковъ и ихъ женъ и дѣтей записалъ бывшими на исповѣди и у св. причастія, за что давалъ ему двадцать восемь рублей; но священникъ отказался отъ этихъ денегъ и, высказавъ, что не поступитъ противъ церковныхъ правилъ, увѣщевалъ пришедшихъ казаковъ исполнять христіанскій долгъ. Не смотря на это увѣщаніе, не бывшіе на исповѣди и у св. причастія остались непреклонны въ своемъ упорствѣ. Хотя въ этомъ донесеніи не сказано прямо о причинѣ уклоненія такого множества прихожанъ отъ исповѣди и св. причастія; но тотъ фактъ, что одному священнику казаки давали деньги за то, чтобы записалъ ихъ бывшими на исповѣди и у св. причастія, и непреклонное упорство многихъ казаковъ въ уклоненіи отъ исповѣди и причастія, въ связи съ предшествовавшими случаями обнаруженія раскола, ясно свидѣтельствуютъ, что уклоняющіеся отъ хожденія въ церковь и христіанскаго долга исповѣди и св. причастія дѣлали это по приверженности къ расколу, а если и не объявляли себя явно раскольниками, то, конечно, въ тѣхъ видахъ, чтобы не платить двойнаго оклада, положеннаго въ то время для раскольниковъ. Мысль эта подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ слѣдующемъ 1765 году священникъ Червленной станицы Пареенъ Ивановъ, по довѣренности отъ духовенства всѣхъ станицъ гребенскаго войска, подавалъ въ Святѣйшій Сунодъ прошеніе объ ассигнованіи причтамъ этихъ станицъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья за крайнею скудостію этихъ причтовъ, происходящею главнымъ образомъ оттого, что „въ тѣхъ станицахъ какъ самъ войсковой атаманъ, такъ и прочіе казаки мужеска и женска пола, едва не всѣ, впали въ раскольническое заблужденіе и въ церковь Божію никогда не ходятъ, христіанскихъ таинствъ лишаются и гдѣ мертвыя тѣла погре-

баютъ, неизвѣстно". Хотя по затребованной Св. Сунодомъ отъ епархіальнаго начальства справкѣ оказалось, что священно и церковнослужители гребенскихъ станицъ уполномочивали означеннаго священника Иванова на подачу прошенія о жалованьи, не выставляя причиною тому развитіе раскола въ ихъ приходахъ и даже показали, что у нихъ раскола нѣтъ, но это показаніе, какъ можно предполагать, дано ими съ одной стороны потому, что уклонившіеся въ расколъ прихожане ихъ не объявляли себя открыто раскольниками, а съ другой изъ опасенія взысканія за нерадѣніе о паствѣ и недонесеніе о проявленіяхъ раскола въ предшествовавшіе годы. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка расколъ свилъ себѣ прочное гнѣздо среди гребенскихъ казаковъ и съ тѣхъ поръ крѣпко держится и до настоящаго времени.

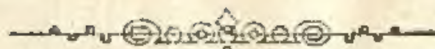
Нельзя не поскорбѣть и мы глубоко скорбимъ, что на долю этихъ храбрецовъ, которые оказали такъ много услугъ отечеству, оберегая одну изъ его окраинъ отъ хищныхъ горцевъ, выпало несчастіе сдѣлаться жертвою темныхъ лжеучителей и отдѣлиться отъ единства съ православною церковію. Но будемъ надѣяться, что теперь наступаетъ время, когда Терскіе раскольники сознаютъ свое заблужденіе и взыщутъ единенія съ Православною Церковію. Распространяемое между ними образованіе много можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи; не менѣе того можно ожидать, при Божіемъ благословеніи, и отъ предпринимаемыхъ нынѣ мѣръ къ разъясненію имъ ихъ недоумѣній посредствомъ такихъ знатоковъ дѣла и ревнителей, какъ досточтимый о. игуменъ Павелъ, настоятель Московскаго единовѣрческаго монастыря.

О, если бы трехсотлѣтній юбилей, который Терское Войско имѣетъ праздновать въ нынѣшнемъ году, ознаменовался прекращеніемъ въ немъ всякихъ религіозныхъ раздѣленій и

возвращеніемъ всѣхъ отдѣлившихся отъ Православной Церкви въ союзъ съ нею! Какое было бы это торжество, какая была бы радость!

Г. Михайловскій.

25 Января
1877 года.

Перепечатано изъ „Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей"

Дозволено цензурою. 31-го января 1877 года.
Ставрополь. Печатано въ Типографіи Губернскаго Правленія.

2007051351